19 февраля (4 марта)

Мученики

Димитрий Волков и Никита Сухарев*

В 1939 году в городе Орехово-Зуево Московской области был закрыт последний из служивших еще тогда в районе храмов – Рождества Богородицы, строительство и благоукрашение которого продолжалось около тридцати лет – с 1872-го по 1901 год. Но недолго пришлось порадоваться прихожанам службам в своем храме – наступило время гонений на Церковь от захвативших власть в России безбожников, и в 1939 году храм был закрыт. Однако верующие в городе не согласились с этим. По советским законам хлопотать об открытии храма могла только зарегистрированная властями двадцатка. Часть людей к этому времени уже выбыла из состава двадцатки, другая – проявила равнодушие к судьбе храма, а иные оказались и малодушны.

Учитывая это, в мае 1940 года прихожане переизбрали членов двадцатки, избрав старостой Дмитрия Ивановича Волкова.

Мученик Димитрий родился в 1871 году в деревне Островищи Покровского уезда Владимирской губернии в крестьянской семье. Грамоте, как и вере христианской, он был научен родителями, пастырями и богослужением в храме; переехав в город Орехово-Зуево, Дмитрий работал столяром. В 1940 году Дмитрию Ивановичу исполнилось шестьдесят девять лет, он уже вышел на пенсию и все время посвящал церковным делам. Для обсуждения мер по открытию храма двадцатка стала собираться каждую субботу около двух часов дня в храме, куда в это время могли прийти помолиться и прихожане.

На одном из собраний двадцатка приняла решение обратиться к председателю Орехово-Зуевского горсовета с просьбой разрешить зарегистрировать священника. Староста и представители двадцатки отправились в Москву к Местоблюстителю Патриаршего престола митрополиту Сергию с прошением, чтобы он направил в их храм священника; митрополит, за неимением других, назначил к ним жившего в Загорске протоиерея Федора Казанского**. Приехав на новое место служения, протоиерей Федор потребовал от прихода выплатить ему 500 рублей и, получив деньги, отбыл обратно в Загорск и не вернулся.

Пока верующие занимались поисками другого священника, власти под разными предлогами стали отказывать им в разрешении на открытие храма, указывая, что сначала должен быть сделан ремонт, а затем только зарегистрирован священник. Прихожане собрали три тысячи рублей, на них уплатили за бездействующий храм все налоги и сделали ремонт; после этого староста храма Дмитрий Волков и член двадцатки Никита Сухарев пришли на прием к председателю горсовета с просьбой об открытии храма, но тот ответил, что ничем помочь им не может, так как на митингах рабочие местных фабрик требуют закрытия храма.

---

* Память мученика Никиты Сухарева празднуется 21 июня (4 июля).

** Осведомитель и лжесвидетель, принесший много зла духовенству и верующим.

Узнав это, верующие провели свою кампанию среди жителей города. На очередном заседании члены двадцатки единогласно постановили добиваться открытия храма в вышестоящей инстанции – в Мособлисполкоме. Был нанят в Москве адвокат, который составил соответствующее прошение. Дмитрий Иванович и Никита Андреевич в течение двух дней ходили за ответом на это прошение к чиновникам Мособлисполкома и в конце концов его получили: поскольку рабочие Орехово-Зуева на собраниях протестуют против открытия церкви, то и они не могут дать разрешение на возобновление богослужения; этот вопрос может разрешить только вышестоящая инстанция – Верховный Совет РСФСР.

Вернувшись в Орехово-Зуево, Дмитрий Иванович и Никита Андреевич рассказали о результатах своей поездки, и члены двадцатки приняли решение продолжать хлопоты и обратиться с жалобой в Верховный Совет.

15 мая 1941 года Дмитрий Иванович и Никита Андреевич отправились в приемную Верховного Совета с жалобой на действия местных властей и с просьбой открыть храм. В ней писалось: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести, Церковь в СССР отделена от государства и школа от Церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

Мы, община, несколько раз обращались в Орехово-Зуевский горсовет о регистрации священника к нашему храму. Каждая община, если она зарегистрирована, то имеет право этого требовать, если она выполняет все взятые на себя по договору обязательства...

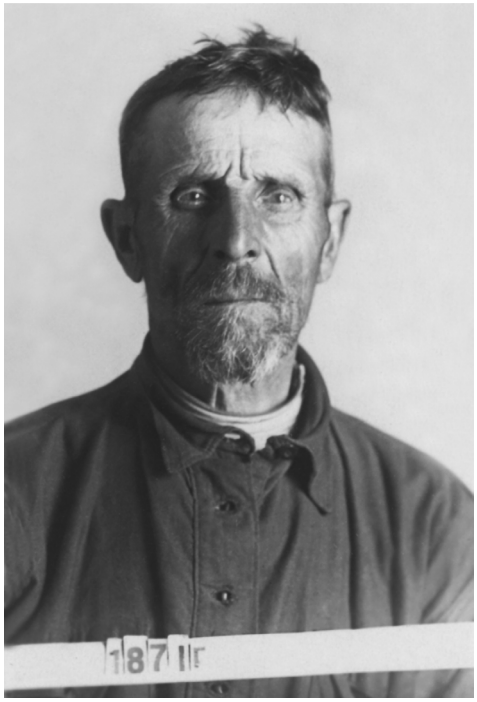
Все обязательства, взятые нами, – выполнены, а также и налоги, согласно выписанных документов райисполкома, нами выплачены. В чем же дело?»

Ответа на свою жалобу верующие не дождались. Добиваясь прекращения активной деятельности двадцатки, местный отдел НКВД завербовал в секретные осведомители одного из членов двадцатки, предполагая с помощью провокаций и лжесвидетельств воспрепятствовать открытию храма.

Осведомитель донес, что руководящую роль в хлопотах по открытию храма играет Никита Андреевич Сухарев, который, исходя из своих глубоких религиозных убеждений, и ходатайствует за его открытие. «Никита Андреевич обижается на советскую власть, потому что советская власть закрывает церкви, – сообщил осведомитель. – 31 мая 1941 года Никита Андреевич сказал: “Дали нам конституцию, по ней мы имеем право хлопотать, а на самом деле хлопотать очень трудно, – значит, конституция одно, а на деле другое...” В апреле 1941 года в церкви... Никита Андреевич говорил: “Все, что делается у нас в стране сейчас... взято с римского времени: как раньше было гонение на христиан... так и у нас сейчас делается. Вот взять учение Маркса-Энгельса, – этим учением одурачили наш народ, и народ отошел от Церкви... Какие выпустили законы! – за каждый малейший проступок судят, сажают в тюрьму”».

О старосте Дмитрии Ивановиче были собраны сведения, что он «ведет активную борьбу за сколачивание церковного актива и открытие бездействующей церкви в городе Орехово-Зуево. Является ходоком и пишет заявления руководителям партии и правительства... призывает верующих к активным массовым действиям за открытие церкви, намеревается войти в сношения с иностранными посольствами и просить их оказывать помощь в деле открытия церкви».

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война – одна из самых значительных по своим масштабам, понесенным потерям, возможным без нее и происшедшим с нею последствиям в истории мира и России, потребовавшая от русского народа напряжения всех его сил, – война тем более страшная, что велась Россией, потерявшей к этому времени и свое историческое имя, под руководством враждебного народу правительства. Враг, ненавидевший Россию, сидел и в Кремле – в виде сталинского правительства и наступал извне – в виде новых «двунадесяти языков», предводительствуемых Германией. В это самое время письмо верующих с просьбой об открытии храма лежало в Верховном Совете, надо было давать ответ, и ответ был дан в соответствии с установками коммунистической власти: в самый день начала войны, 22 июня 1941 года, руководство Московского НКВД постановило арестовать ходоков; на следующий день староста храма Дмитрий Иванович Волков и член церковной двадцатки Никита Андреевич Сухарев были арестованы.

Дмитрий Иванович Волков.
Москва, тюрьма НКВД. 1941 год

Около полуночи 24 июня следователь вызвал Дмитрия Ивановича на допрос, начав его с того, что спросил арестованного, что он думает о причине своего ареста.

– Возможно, я арестован за участие в церковном совете, за ходатайство об открытии церкви, – ответил староста.

– Вы арестованы за контрреволюционную деятельность. Намерены вы об этом дать правдивые показания? – грозно спросил его следователь.

– Я контрреволюционных действий не совершал.

– Вы говорите неправду...

– Повторяю, что с моей стороны контрреволюционных действий не было.

– А распространение среди окружающих вас лиц клеветнических измышлений, направленных на опорочивание советской действительности, разве это не контрреволюционные преступления?

– Этого с моей стороны не было.

– Объясните тогда, почему люди из вашего окружения, будучи допрошены в качестве свидетелей, показали, что вы личность антисоветская и занимаетесь антисоветскими разговорами?

– Я не знаю, почему на меня так показывают, но я контрреволюционных действий не совершал.

У сотрудников НКВД не было никаких доказательств контрреволюционной деятельности старосты, лишь только то, что он хлопотал об открытии храма; однако 7 июля ему было предъявлено обвинение, и в тот же день был составлен очередной протокол допроса.

– Намерены вы теперь приступить к даче правдивых показаний о своей контрреволюционной деятельности? – спросил его следователь.

– Контрреволюционной деятельностью я не занимался, – ответил Дмитрий Иванович.

– А распространение антисоветской клеветы и участие в антисоветской церковной группировке, разве это не контрреволюционные действия?

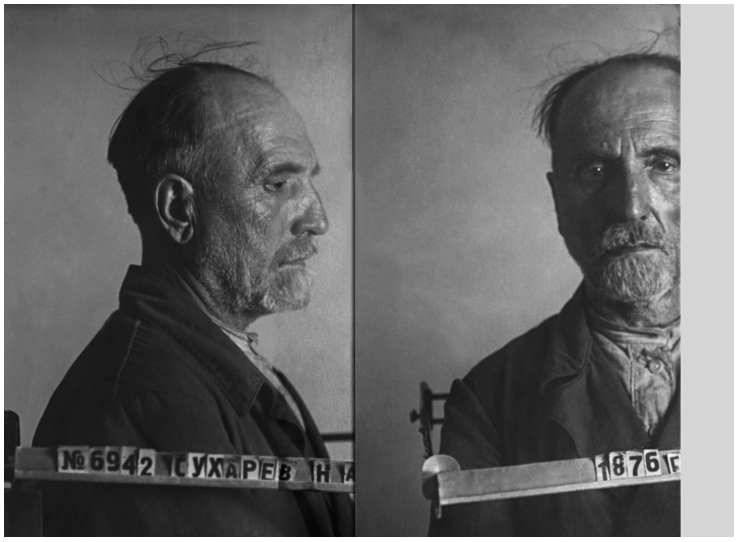
– Этими действиями я не занимался.

– Вам предъявляется постановление об обвинении... Признаете себя виновным по существу предъявленного постановления?

– Нет, не признаю, так как контрреволюционных действий я не совершал.

Вместе со старостой был арестован член церковного совета Никита Андреевич Сухарев.

Мученик Никита родился в 1876 году в деревне Починки Егорьевского уезда Рязанской губернии[*] в семье крестьян Андрея Кузьмича и Анисии Алексеевны Сухаревых. Никита окончил сельскую школу и работал ткачом на одной из орехово-зуевских фабрик. Ко времени ареста Никита Андреевич по преклонности лет был на пенсии; он был допрошен в ту же ночь, что и староста.

Никита Андреевич Сухарев.
Москва, тюрьма НКВД. 1941 год

– Что желаете заявить следствию по поводу вашего ареста? – спросил его следователь.

[*] Ныне Егорьевский район Московской области.

– Хочу заявить, – сказал Никита Андреевич, – что, возможно, я арестован за хранение церковной литературы, за то, что состоял в церковной общине и принимал активное участие в открытии церкви в городе Орехово-Зуево.

– Вы арестованы за активную контрреволюционную деятельность. Признаете себя в этом виновным?

– Я контрреволюционных действий не совершал.

– А распространение среди окружающих вас лиц клеветнических антисоветских измышлений, направленных на опорочивание советской действительности? Разве это не контрреволюционные преступления?

– Я этого никогда не говорил.

– Объясните тогда, почему люди из вашего окружения, будучи допрошены в качестве свидетелей, показали, что вы личность, антисоветски настроенная и ведущая антисоветскую агитацию?

– Я не знаю, почему так про меня показывают, так как я антисоветскими разговорами не занимался.

2 июля 1941 года следователь снова допросил Никиту Андреевича.

– Вы в Москву ездили хлопотать об открытии церкви?

– Да, ездил два раза.

– Вы лично церковный налог с населения собирали?

– Нет, церковный налог я не собирал, а сами верующие приходили и приносили деньги.

– Но вы высказывали при этом контрреволюционные мысли и агитировали за открытие церкви?

– Контрреволюционных действий не было. Только говорил, что в Писании сказано, что настанет время, когда пойдет сын на отца и дочь на мать.

7 июля 1941 года Никите Андреевичу было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности.

– Признаете себя виновным по существу предъявленного обвинения? – спросил его следователь.

– Нет, не признаю. Я только выражал свое недовольство невозможностью открыть церковь.

– Следствие еще раз предлагает продумать свое поведение и на последующих допросах приступить к даче правдивых показаний, – заявил в завершение допроса следователь.

В июле 1941 года немецкие войска стали стремительно продвигаться к Москве, и город был объявлен на военном положении. Следователи, ведшие дела арестованных, отбыли в глубокий тыл, в город Омск, туда же этапом вслед за ними были отправлены и подследственные. Сотрудники НКВД за хлопотами эвакуации не успели допросить в качестве свидетелей секретных осведомителей, и дело оказалось лишенным показаний свидетелей. Дмитрий Иванович и Никита Андреевич были заключены в омскую тюрьму, и с 3 сентября 1941 года круглосуточные изнурительные допросы возобновились.

– Следствию известно, что вы в присутствии Савинова, Бритенкова и других высказывали недовольство советской властью, заявляя, что по конституции разрешается свободное отправление религиозных обрядов, а в действительности этого якобы делать не дают. Признаете себя в этом виновным? – спросил следователь Никиту Андреевича.

– Такой разговор с моей стороны имел место при следующих обстоятельствах. На одно из заседаний двадцатки в мае 1940 года Бритенков

принес конституцию СССР и зачитал статью о свободном вероисповедании... Когда Британенков кончил читать, то я сказал: «По конституции-то мы имеем право на свободное вероисповедание, а на самом деле, сколько мы ни хлопочем, у нас ничего не выходит, и церковь нам открыть не дают. Значит, конституция это одно, а на деле советская власть проводит совсем другое». На мои слова никто ничего не ответил, и вскоре мы все разошлись.

– Признаете ли вы себя виновным в том, что являлись активным участником антисоветской группы церковников, существовавшей в Орехово-Зуевском районе?

– Я являлся участником группы церковников, но антисоветской деятельности наша группа не проводила.

– В чем заключалась практическая деятельность вашей группы?

– Наша деятельность заключалась в том, что мы вели активную агитацию среди жителей города Орехово-Зуево за открытие бездействовавшей там церкви.

– Следствию известно, что в апреле 1941 года вы в присутствии Савинова и других в помещении орехово-зуевской церкви высказывали клевету на советскую власть, заявляя, что при советской власти существует якобы такое же гонение, как во времена Римской империи. В этом вы признаете себя виновным?

– Такой разговор был у меня с Анной Кулешовой. Она сказала, что нам не дадут открыть церковь, и стала обижаться на это. Я ей ответил, что еще во времена Римской империи были гонения на христиан и что такое же гонение переживают христиане сейчас, при советской власти. Но, как кончилась Римская империя и восторжествовало христианство, так кончится и теперешнее гонение на христиан. При этом разговоре, как я помню, присутствовал Савинов и еще кто-то из двадцатки.

– Следствию известно, что председатель вашей двадцатки, Дмитрий Иванович Волков, неоднократно допускал в вашем присутствии антисоветские высказывания. Дайте показания по этому вопросу.

– По этому вопросу я показать ничего не могу, так как антисоветских высказываний я от него не слышал.

На этом допросы Никиты Андреевича были окончены. В тех же числах в омской тюрьме следователи допросили церковного старосту.

– Следствию известно, что церковная двадцатка, председателем которой вы были, проводила активную борьбу по организации выступлений за открытие бездействующей церкви в Орехово-Зуеве. Это вы подтверждаете? – спросил его следователь.

– Я признаю, что наша двадцатка проводила активную борьбу за возобновление службы в бездействовавшей церкви в Орехово-Зуеве.

– С какой целью вы открывали церковь, ведь службы в ней не было?

– Церковь мы открывали для того, чтобы там могла собраться двадцатка. В это же время церковь посещали прихожане.

– Признаете ли вы себя виновным в том, что являетесь участником антисоветской группы церковников в городе Орехово-Зуево?

– Я был участником группы церковников в городе Орехово-Зуево, но никакой антисоветской деятельности наша группа не проводила.

– Следствию известно, что, кроме активной религиозной пропаганды, вы систематически проводили антисоветскую агитацию. В этом вы признаете себя виновным?

– Нет. В антисоветской агитации я себя виновным не признаю.

4 сентября 1941 года следствие было закончено, и следователь в обвинительном заключении написал: «Учитывая, что в контрреволюционной деятельности Сухарев и Волков изобличаются оперативными материалами, которые не могут быть использованы в судебном заседании, следственное дело целесообразно направить на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР».

27 декабря 1941 года Особое Совещание при НКВД приговорило Дмитрия Ивановича Волкова и Никиту Андреевича Сухарева к пяти годам ссылки в Омскую область. Несмотря на приговор к ссылке, они, однако, не были освобождены из тюрьмы. Преклонный возраст, едва переносимые условия этапа, изнурительные круглосуточные допросы, содержание в тюрьме на голодном пайке, да еще во время войны, когда и солдаты не получали в достатке продуктов, быстро приблизили их смерть. Церковный староста Дмитрий Иванович Волков скончался 4 марта 1942 года в омской тюрьме № 1 и был погребен в безвестной могиле. Член церковной двадцатки Никита Андреевич Сухарев скончался через четыре месяца в той же тюрьме, 4 июля 1942 года, и также был погребен в безвестной могиле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Июнь». Тверь. 2008. С. 398-408